

АЛЕКСАНДР КАНЕВСКИЙ

Следователь Борис Пахомов

Александр Каневский

Кровавая Мэри

«Автор»

Каневский А. С.

Кровавая Мэри / А. С. Каневский — «Автор», — (Следователь Борис Пахомов)

«Я никогда не писал детективов, быть может, это первый и последний. Просто захотелось вдруг нырнуть в новый для себя жанр и по-своему его разнообразить: добавить к детективной фабуле немножко юмора, немножко печали, немножко эксцентрики и, даже, чуть-чуть фантастики – словом, решил удивить чем-то необычным. И удивил, на свою голову! Завершив повесть, я, ещё в рукописи, дал её прочитать моим самым критически настроенным друзьям. Кто-то хвалил, кто-то делал замечания, кто-то давал советы... Но были и те, кто категорически потребовали подробного обоснования поведения моих героев и моих придумок – с научной точки зрения, юридической, технической, медицинской... Я стал лихорадочно изучать учебники по химии, сопромату, медицине, юриспруденции, я был уже на пороге написания полновесной диссертации, но вовремя остановился, потому что понял: химиком, механиком, юристом или кардиологом мне уже никогда не быть, да, наверное, и не нужно. Единственное, что стало ясно – это необходимость короткого предисловия...»

© Каневский А. С.

© Автор

Александр Каневский

Кровавая Мэри

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Короткое предисловие

Я никогда не писал детективов, быть может, это первый и последний. Просто захотелось вдруг нырнуть в новый для себя жанр и по-своему его разнообразить: добавить к детективной фабуле немножко юмора, немножко печали, немножко эксцентрики и, даже, чуть-чуть фантастики – словом, решил удивить чем-то необычным. И удивил, на свою голову!

Завершив повесть, я, ещё в рукописи, дал её прочитать моим самым критически настроенным друзьям. Кто-то хвалил, кто-то делал замечания, кто-то давал советы... Но были и те, кто категорически потребовали подробного обоснования поведения моих героев и моих придумок – с научной точки зрения, юридической, технической, медицинской...

Я стал лихорадочно изучать учебники по химии, сопромату, медицине, юриспруденции, я был уже на пороге написания полновесной диссертации, но вовремя остановился, потому что понял: химиком, механиком, юристом или кардиологом мне уже никогда не быть, да, наверное, и не нужно.

Единственное, что стало ясно – это необходимость короткого предисловия.

Поэтому я его и написал. Итак:

Помимо в меру закрученного детективного сюжета, мне хотелось описать героев этой повести полновесней и поярче, дать им, кроме служебных обязанностей, и собственную личную жизнь, увлечения, привязанности, достоинства и недостатки. Не все они образцово-показательны – некоторые живут не по общепринятым правилам, шокируют окружающих своими пристрастиями и, даже в какой-то момент, нарушают законодательство. А кто-то, вообще, подвержен навязчивой маниакальной идее, которую пытается воплотить в жизнь...

Мне хотелось, чтобы прочитав эту книжку, читатели, даже спустя какое-то время, могли отчётливо вспомнить не только детективную линию сюжета, но и каждого из участников этого повествования, и положительного, и отрицательного.

А что касается упрёка в псевдонаучности, то я заведомо был готов к этому, потому что меня интересовала не технология создания нового монстра, а психология его создателя. И, кстати, уже давно общеизвестно, что мысль материализуется: то, что задумано сегодня, завтра может превратиться в реальность. Фантастика не всегда только подталкивала вперёд, она и предостерегала.

А теперь, добро пожаловать в мою повесть!

В нижнем ящике комода он нашёл мамин дневник, который она вела всю жизнь, несмотря на его постоянное подсмеивание и клички, которыми он её за это награждал: «Гимназистка», «Зубрилка», «Отличница»...

– Мне так легче корректировать свою жизнь, – оправдывалась она. – Что не нравится – вычёркиваю, что по душе – дополняю подробностями, рассуждениями, выводами...

Дневник состоял из пачки толстых общих тетрадей в клеёчатых обложках, перетянутых резиновым шнуром.

– Я проснулся в шесть часов:
Где резинка от трусов?..
Вот она, вот она,
На дневник намотана! —

дразнил он её. перефразируя эту не очень приличную песенку, совершая ритуальный танец вокруг стола и поддерживая якобы сползающие трусы.

Она переставала писать и они оба хохотали.

Он несколько раз наблюдал, как дописав очередную тетрадь до конца, она выдёргивала последнюю страницу, рвала её на мелкие части и выбрасывала в плетённую мусорную корзину.

На его вопрос «Зачем ты это делаешь?», пока он был мал, отшучивалась, а когда подрос, объяснила:

– Понимаешь: дойдя до конца каждой тетрадки, я подвожу итог прожитой жизни и понимаю, что наделала много глупостей, что надо было жить по-другому, совсем иначе... Но уже поздно, жизнь не перепишешь... Поэтому я вырываю страницу с итогами всех моих просчётов, в надежде, что исправлюсь, буду больше уделять внимание тебе, бабушке, самым близким друзьям, помирюсь с теми, с кем поссорилась, доделаю то, что не доделала, и, вообще, дальше буду жить очень-очень правильно, но... Когда подвожу итог следующего этапа моей жизни, там повторяются все те же ошибки... Я их снова рву и снова надеюсь...

Конечно, ему очень хотелось, прочитать, что она пишет, но она взяла с него клятвенное обещание – без её разрешения никогда не заглядывать в дневник, и он держал своё слово.

– А когда я смогу его прочитать? – приставал он к ней.

– Настанет день и прочтёшь.

– А если он не настанет?

– Обязательно настанет, обещаю.

Став старше, он понял, о каком дне она говорила, и больше никогда не заводил разговор о дневнике.

И вот теперь все эти заветные тетрадки лежат перед ним на столе, разложенные по номерам: первая, вторая, третья... Их всего двенадцать. И в каждой – последняя страница вырвана: до конца своих дней она была недовольна собой. Но она же не права, не права!.. И почему так мало тетрадок?!.. Она имела право, минимум. ещё на столько же!.. И как много вырванных страниц... Я сам допишу их!.. Они будут о тебе, только о тебе, моей самой великой маме!..

Всё ещё не решаясь заглянуть в её дневник, он встал, прошёлся по комнате, достал из внутреннего кармана пиджака свою прославленную флягу, сделанную по заказу, подогнанную под ширину кармана, но зато непропорционально высокую, почти до подбородка. В отделе её называли безразмерной: даже когда он наливал всем сотрудникам, она оставалась ещё наполовину заполненной. Сделал глоток, сел, закурил и стал перелистывать тетради.

Конечно, почти весь дневник о нём, самом лучшем, самом любимом и неповторимом: как он ел, болел, хулиганил... Как она выслушивала жалобы учителей и переводила его из школы в школу, как он, наконец, окончил десятый класс и получил аттестат... Как провожала его в армию... Как ждала его писем и звонков... Как поддерживала его во время учёбы в Академии МВД... А вот – о том, как его приняли на работу, о его первых успешно выполненных заданиях, благодарностях, премиях...

Из маминого дневника:

«... Ужасно важничает, преисполнен восхищением от самого себя – мой маленький надутый индюшонок... Это нормально, малыш. это пройдёт... А пока покейфуй, покупайся в собственных успехах... А как он был счастлив, когда ему предоставили отдельный кабинетик!»...

Стоп, когда это было?.. Сейчас вспомню... Это было лет десять назад, когда меня перевели в отдел особо тяжких преступлений. А кабинетик дали, чтобы подсластить пилюлю, потому что посылали в какую-то кошмарную командировку.... Конечно, помню!.. Особенно, вечер перед отлётом, когда появилась добрая фея с коньяком...

За окном тогда уже стемнело. Борис, у письменного стола, готовясь к отъезду, перебирал документы, нужные складывал в папку.

Вошла Флора, точнее, вошла её коса, а за ней уже она сама. Коса толстая, тугая, ниже пояса. За такими косами охотятся парикмахеры, чтобы сфотографировать и повесить фото в своей витрине.

– Борис Романович, хотите кофе?

– А!.. – Он отмахнулся, продолжая переключать бумаги.

– С коньяком.

– О!.. – У него тогда ещё не было заветной фляги, поэтому он заинтересовался. Взял чашку. – Спасибо! – Попробовал. – Класс!.. Только в следующий раз – коньяк лучше отдельно.

– Понятно.

Она протянула ему начатую бутылку.

– Вы – потрясающий парень! – Борис плеснул в стакан, выпил. – Как вас зовут?

– Флора.

– Классное имя!.. У вас нет сестры?

– Нет. А зачем?

– Её бы могли назвать Фауна... Флора и Фауна – красиво!.. Кстати, как вы тут очутились?

– Убираю. Я поступила в университет, родители далеко, живу в общежитии – по вечерам подрабатываю здесь уборщицей.

– И давно вы у нас?

– Уже второй месяц.

– А чего это я вас не замечал?

Она с улыбкой пожала плечами.

– Наверное, я не очень приметная.

– Не скажите! – Начинает внимательно, профессионально её осматривать. – У вас зелёные зовущие глаза, привлекательно вздёрнутый носик, стройная фигура... А про вашу косу уже давно песню поют: «Дева-краса, чудо-коса!»... И ещё: у вас же потрясающий бюст... С таким бюстом наперевес можно идти в атаку на любого мужика!.. – Видя, что её это смущает. – Ладно, больше не буду... Ой, какой же я мужлан: лакаю ваш коньяк, а вам не предлагаю!.. Хотите глоточек?

– Я не пью.

– А как же у вас в сумке оказалась эта бутылка?

Она растерялась, смутилась, потом взяла себя в руки и ответила подчёркнуто безразлично:

– Случайно.

– А туда случайно не закатилась какая-нибудь закуска?

Она поспешно вынула и протянула ему завернутый в целлофан бутерброд.

– Да вы просто находка для уголовного розыска!.. С утра поесть некогда!.. Меня же просто разрывают на части! – важно сообщил он и жадностью откусил. – Вкусно!.. Я ваш должник, вернусь из командировки и сразу приглашу в ресторан.

– Я их не люблю, рестораны: шум, грохот, песни дурацкие: ... Я настоящую поэзию люблю, бардов.

– Договорились! Кого именно хотите послушать?

– Окуджаву. Никак на его концерт не удаётся попасть.... Как у него это всё просто и здорово! – Напевает. – *«Виноградную косточку в тёплую землю зарюю»...*

– Замётано. Возвращаюсь и сразу поведу вас на его концерт.

– Билеты не достанете.

– С этой книжечкой?! – он хвастливо и гордо помахал своим удостоверением.

– Забудете.

– Никогда! Вот. – Вынимает из кармана платок и завязывает узел. – Всегда так делаю, чтобы не забыть.

– На ваших платках таких узлов, наверное, уже много накопилось. Лучше я на своём завяжу. – Достает кружевной платочек с вышитой буквой Ф. Завязывает узелок, кладёт ему на стол. – Теперь запомните.

– Конечно! – Напевает. – «Скромненький синий платочек...». – Теперь точно не забуду! Хочет положить его в карман. Она забирает его, прячет.

– Когда вы вернётесь, он будет лежать у вас на столе. Я с вечера буду класть, и каждое утро он вам будет напоминать о вашем обещании. Когда вам надоест его видеть, вы поведёте меня на концерт.

Он улыбается уже с неподдельным восхищением:

– Вы – потрясающий парень!

– Если вы меня ещё раз так назовёте, я завяжу ещё один узелок, чтоб вы запомнили: я не парень, я – девушка!

– Ну, Флора-Фауна! Вы – самый грандиозный... девушка!

Он закрыл тетрадь и грустно улыбнулся: она, и вправду, была очень славной, но больше он её не встречал: его первая командировка затянулась, потом плавно перелилась в следующую... Когда вернулся, Флора уже не работала: перевелась из Москвы в Воронеж, ближе к родителям. «Неохваченный объект» – так называл он ускользнувших от него женщин.

Вздыхнул и раскрыл другую тетрадь.

Из маминого дневника:

«... Мне так печально, что Боренька не имеет своей комнаты, куда бы мог пригласить девушку, послушать музыку, попить шампанского и целоваться в нормальных человеческих условиях, а не в тёмных антисанитарных подъездах... Не приглашать её в наше купе, где можно только стоять или лежать – спать уже негде. Когда ко мне зачастил наш замдиректора Горский, ему пришлось сбрить усы, чтобы поместиться...»

В коммуналке, где они жили первые годы после переезда в Москву, у них была комнатка при кухне, в которой когда-то обитали кухарки.

Это была большая квартира в старом, ещё дореволюционном доме на Чистых Прудах, давно забывшая слово «ремонт», захламленная, запущенная, пропитанная сочными скандалами и кухонными интригами... Четыре кнопки звонков на дверях, четыре лампочки в туалете...

В первой, самой большой комнате, жила шестипудовая Маруся, которая получила жилплощадь, работая дворничихой. Год назад она вызвала из своей деревни племянницу Зинку, пообещав вывести её в люди. И вывела: выдала за алкоголика Федю, который ставил туалеты на дачных участках.

Из этой комнаты часто доносился нежный девичий голос:

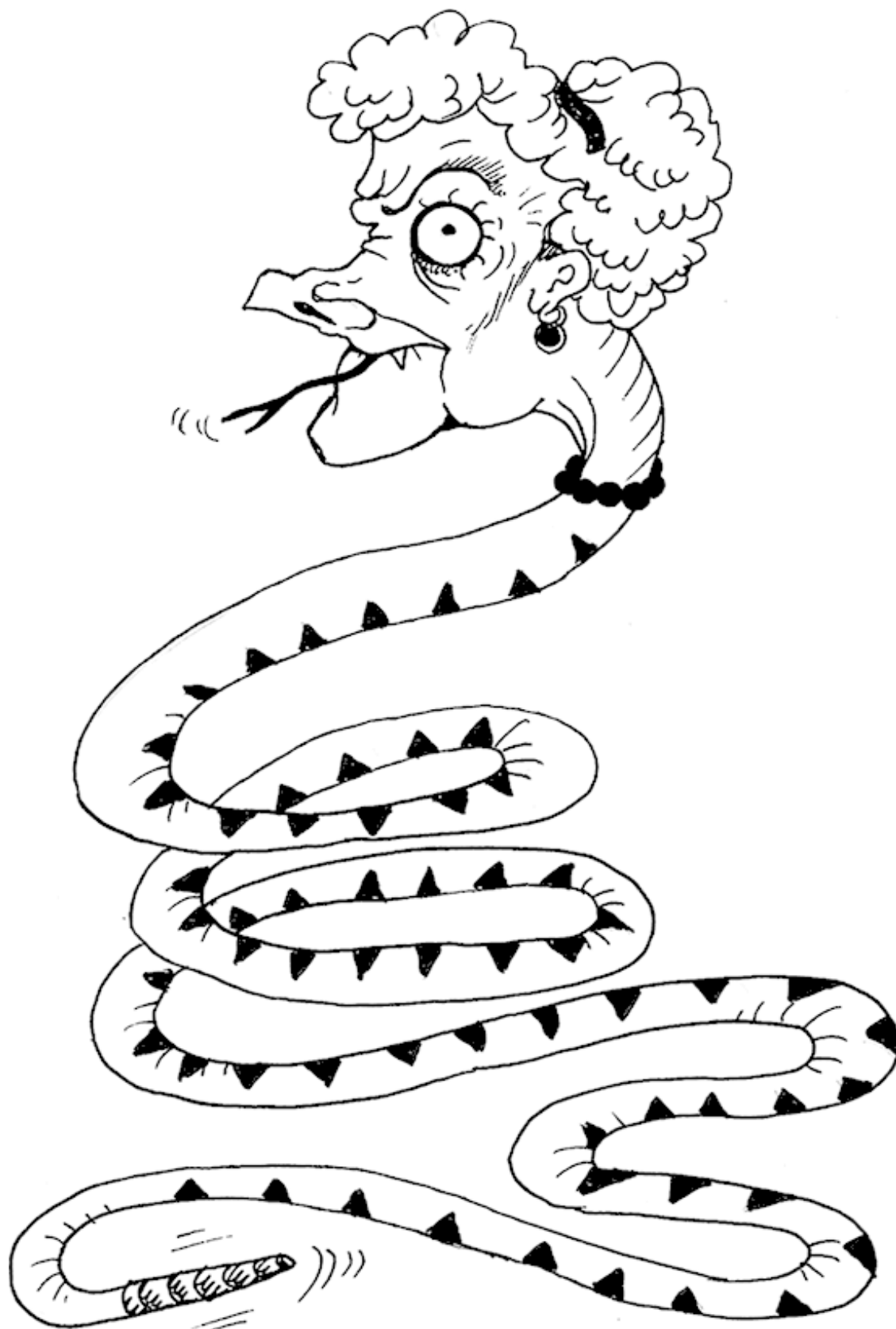
– По рылу его, по рылу!

Это Зинка вдохновляла Марусю, которая половой тряпкой била Федю, когда он приползал домой, отпраздновав установку очередного туалета.

– Налакался, свинья собачья!.. Жены бы постеснялся, харя небритая!.. Ребёнку бы принёс чего-нибудь витаминного!..

У Зинки и Феди год назад родился сын. Федя очень гордился этим событием и надеялся вырастить из него туалетного помощника, но произошло непредвиденное...

Первое слово, которое обычно произносит ребёнок – это «мама» или «папа». Федин сын первым произнёс «Коля» – это было имя соседа, что, естественно, вызвало огромный, незатухающий скандал.

– А кто докажет, шо это мой личный сын, а?..
Может, я ему не родной отец, а приходящий!..
– Ты можешь закрыть свой поганый рот?
И следовал прицельный удар тряпкой по физиономии.

Такие сцены повторялись почти ежедневно до тех пор, пока не раздавался стук в дверь и угроза Марфы Леонидовны:

– Я опять вызову участкового!

Марфа Леонидовна преподавала химию в соседней школе, была заседателем в суде, поэтому её все побаивались. Она была строгой и всегда недовольной, отчитывала всех, делала замечания... Вместо выражения лица у неё было постоянное возражение. Она напоминала шипящую змею, и Борис утверждал, что у неё даже язык – раздвоенный. Он называл её «Марфа Людоедовна».

Проходя мимо Марусиной двери, Людоедовна останавливалась и громко вопрошала:

– Почему ребёнок опять плачет?.. Вы не умеете с ним обращаться – я направлю к вам социального работника!

А если за дверьми было тихо, это тоже её настораживало:

– Почему ребёнок молчит? Он что, умер?..

Однажды она с ужасом узрела, что Борис повесил в туалете портрет Ленина. С ней чуть не случилась истерика:

– Как ты посмел?!.. Ленина?! В туалете?!.. Немедленно сними!

– А почему Маяковскому можно, а мне нельзя?

– Причём тут Маяковский? Почему ты решил, что у него в туалете висел портрет вождя?

– Конечно!.. Иначе б он не написал: «Я себя под Лениным чищу!»

Был дикий скандал. Пришлось снять – Людоедовна угрожала написать в КГБ.

Напротив их коморки жил сосед Коля – это к нему ревновал Федя свою Зинку. Коля был одинокий и неухоженный. Если отталкиваться от определения «купаться в роскоши», то Коля купался в нищете. В комнате стоял кухонный столик с никогда не мытой посудой, три табуретки и два топчана. На одном спал Коля, на другом – кореец Ким, который снимал у него угол и готовил очень острые блюда, от которых Коля приобрёл гастрит. Кореец зарабатывал, играя в скверике на флейте, поэтому его называли «Жид со скрипкой». Комната никогда не убиралась, в ней было столько грязи, что её можно было продавать как лечебную. Кроме того, там водились клопы, которых Коля подкармливал своей любовницей, ночевавшей у него по субботам. Корейца клопы не кусали: в нём было много перца.

За стенкой, в соседней комнате, жила вдова покойного политкаторжанина, которая давно перескочила через свой столетний юбилей, но, с помощью палки, ещё сама передвигалась и даже участвовала в кухонных разборках, размахивая этой палкой. Экономя на электричестве, она не поставила собственную лампочку ни в коридоре, ни в кухне, ни в туалете, а освещала себе путь церковной свечой. Когда, закутавшись в одеяло, с горящей свечой в руке, она выходила из своей комнаты и шла по тёмному коридору к тёмному туалету, её можно было принять за ночное приведение, вышедшее из склепа.

Все соседи уже много лет стояли в очереди на «улучшение жилплощади».

Театр каждый год взывал к исполкому, чтоб ведущей актрисе их театра Людмиле Паховой, наконец, выделили отдельную квартиру, без которой она не может нести искусство в массы. Но ничего не продвигалось, пока не помог случай: после перестройки на их коммуналку положил глаз какой-то преуспевающий делец и забрал её, купив каждому соседу по отдельной однокомнатной квартире. Конечно, все были счастливы, но больше всех ликовал Борис: нако-

нец-то, они избавились от неусыпного надзора Любоедовны. Кроме того, уходя в армию, он втайне надеялся, что отдельное жильё поможет матери найти мужа и наладить свою личную жизнь. Поэтому же, когда отслужил и поступил в академию, обитал в общежитии или у своих постоянно меняющихся дам. Но и в новой, отдельной квартире на Русаковской набережной, Людмила Михайловна продолжала жить одна, хотя у неё было много поклонников, переходящих в любовники, но никого долго в своей квартире и в своей жизни она не задерживала... Если б не регулярные сердечные приступы, она бы всё ещё продолжала тащить на себе весь репертуар театра. Но после того, как прямо на сцене, аристократ Эдвин вместе с санитаром «Скорой помощи» уложили её на носилки, она ушла на пенсию, отказалась от главных ролей – участвовала только в эпизодах.

Из маминого дневника.

«... Я так часто врала о своём возрасте, что уже сама забыла, сколько мне лет. Боюсь отрывать листок календаря мне кажется, будто я отрываю день своей жизни. Поэтому, недавно провела декаду борьбы за бережное отношение к себе. Призналась себе в любви и ответила себе взаимностью. Затем подошла к зеркалу, висящему на стене, и стала себя рассматривать, долго рассматривала – разозлилась и плюнула в него: я всё равно лучше!.. Подумаешь, морщинки и синяки! Если бы не я, какое б у меня было здоровье! (Кажется, до меня это сказал граф де Мирабо).

Бабий угодник Горский, недавно утешал меня: «Женщины не стареют – они набираются мудрости и опыта. Ты ещё – настоящая секс-бомба!»... Да, я ещё секс-бомба, но уже замедленного действия.

Но мудрости я, действительно, набралась: убрала зеркало со стены, чтоб не огорчало»...

Когда он заскочил к маме, чтобы, как всегда, оставить какие-то продукты, купленные в магазине, в комнате был дикий беспорядок: скатанный ковёр, сдвинутые стулья, тарелки на столе, подушки, упавшие с дивана... Людмила Михайловна, закутавшись в оренбургский платок, сидела в кресле и читала журнал. Увидев сына, счастливо улыбнулась, отбросила читиво и поднялась ему навстречу.

– Сиди, сиди! – он вернул её в кресло, обнял, поцеловал, затем удивлённо спросил. – Что у тебя творится? К тебе нагрянул ОМОН?

– Вчера я пригласила гостей: отмечала свой день рождения...

– Ой, какая же я сволочь – ведь вчера было 19 июля!.. Я забыл!.. Прости, мама, прости...

– Не рви на себе волосы: я тебе давно всё простила, авансом... Просто была полукруглая дата – шестьдесят пять. Пришли даже мои сослуживицы из театра, и с плохо скрываемым удивлением, что я ещё жива, поздравили меня с днём рождения... Я бы не отмечала. но вчера был ещё один мой праздник, причём, самый любимый: день развода с твоим отцом.

– А чего посуда не вымыта?

– Утром дали горячую воду, но забыли её нагреть.

– Что-нибудь вкусненькое осталось?

– Только яичный ликёр – можем поджарить из него яичницу...

– Я тут тебе кое-что принёс. – Вынимает из сумки сыр, масло, колбасу, яблоки. – Это будет закуска. А выпивка всегда при мне. – Ставит на стол свою флягу – Мы сейчас вдвоём отпразднуем.

Людмила Михайловна кивнула в сторону фляги.

– Ты всё ещё таскаешь её с собой?

– Однажды, по твоему настоянию, я перестал выпивать. Появилось много свободного времени, подсчитал, сколько за все годы питья я потратил на выпивку – оказалась такая страшная сумма, что от ужаса мне пришлось снова выпить!.

– Сыночка, но ведь из-за этого пристрастия тебя не повышают в звании.

– И прекрасно! Дадут подполковника – засяду в кабинете среди бумаг, и уже не смогу любимым делом заниматься: преступничков ловить!.. Не волнуйся, мама: я не алкаш, я выпивоха, – это разные понятия! – Достает из серванта две рюмки, наполняет их. – Давай выпьем за моего самого красивого, самого умного, самого понимающего меня друга – за тебя, мама!

Выпивает, целует её.

– А я выпью за самого несерьёзного и самого дорогого мне мальчика, за тебя, малыш!

– Хорош малыш – в ноябре уже сорок!.. Когда об этом подумаю, становится так грустно!

– Перестань печалиться, послушай старую опытную маму: отпразднуешь день рождения, потом придешь к своей самой привлекательной любовнице, переспшишь с ней ночь и поймёшь, что ничего не изменилось!..

– Не шути, не в этом дело!.. Уже сорок – а жизнь пробежала мимо. Я не посадил сад. не написал книгу и не вырастил сына...

– Мой маленький мальчик вырастет!

– ... В сорок мужчины уже стреляются... – продолжал он.

– или женятся, – вставила она.

– А что раньше: стреляются или женятся?... Я думаю, сначала женятся, тогда легче застрелиться...

– Перестань кокетничать! Ты так много сделал за свою жизнь: ловил грабителей, убийц, фальшивомонетчиков, педофилов... Ты очищал страну – это дорогого стоит!..

– Судя по тому, сколько ещё в стране дерьма, я не очень её очистил... Вот. знаешь, мама, если бы поймать Осаму бин Ладена или кого-то вроде него, тогда...

– Слушай, а почему ты мне никогда «мамочка» не сказал? За всю жизнь – ни разу!.. Всё «мама», «мама»...

– Не получается. Несколько раз пытался, но язык не поворачивался, не умеет сюсюкать. Я за тебя жизнь отдам, с радостью, не раздумывая, но без красивых слов – зачем они тебе? Ты ведь сама прекрасно знаешь, что они сейчас обесценены!

– Знаю. Давно знаю. И всё равно хочу! Всегда хотела слышать их, от мужа, от поклонников и особенно от любимого сына... И я надеюсь, что когда-нибудь ты меня назовёшь «мамочкой»...

– Обязательно: ещё немного подрасту, состарюсь, впаду в детство и назову.

– А знаешь, почему так?... Я ведь бабушку тоже никогда мамочкой не называла: мама, мать, мамка, матушка... – вздохнула, указала пальцем в потолок. – Там всё видят и возвращают нам, как бумеранг... – Снова вздохнула. – И ещё меня мучает: уже год не была на её могиле... А на той неделе получила письмо из Владимира: её памятник потрескался, покосился – надо привести в порядок.

– Мам, обещаю: в первый же свободный день заеду за тобой и рванём во Владимир. – Увидев на подоконнике четырёх одинаковых плюшевых зайцев в целлофановых пакетах, удивился. – Что это за близнецы?

– Подарки моих бывших поклонников – они ещё помнят, что я любила игрушки.

– Но почему одинаковые подарки?

– Одинаковые вкусы – поэтому они все и выбирали меня... – Вдруг закрыла лицо руками и сама себя прервала. – Ой!.. Не могу!..

– Что с тобой, мама? – испуганно спросил Борис.

– Выколи мне глаза! Немедленно!

– Чего это вдруг?

Она патетически произнесла:

– Чтоб я больше никогда не видела на тебе таких нечищенных туфель!.. – Потом резко сменив тон, назидательно завершила. – А вот если б ты был женат, тебя бы не выпустили из дому в таком виде!

Борис с облегчением вздохнул.

– Фу-у!.. С тобой не соскучишься!.. Кстати, а чего это вдруг ты заговорила о моей женитьбе? Ты ведь меня раньше никогда к ней не подталкивала.

– Потому что раньше у тебя не было прав на вождение семьи.

– Чего, чего?..

– Когда мужчина садится за руль, он должен иметь права на вождение машины. Когда мужчина женится, он должен иметь права на вождение семьи.

Борис рассмеялся.

– Ну, ты придумаешь!.. А что должно быть записано в этих правах?

– «Не превышай скорость, не врежайся в чужой ряд, не обгоняй женщин-водителей, не доводи до крушения»... Раньше ты не имел этих прав, поэтому я не настаивала, а теперь... Ты созрел для ответственности за женщину, за детей... Не верь бабам, которые всюду провозглашают свою независимость от мужчин. Я тоже принадлежала к этой гнусной категории женщин, которые яростно добиваются полной эмансипации.... Какая же я была дура! Господи! Когда нас снова закрепостят!.. Налей мне ещё чуть-чуть и давай выпьем за это...

– Нет. Я хочу выпить за твоё здоровье.

– Пить за моё здоровье – это всё равно, что пить за мир во всём мире... Кстати, любимый тост твоего отца.

– Ты всегда уклонялась от ответа – ответ сейчас: как ты решилась уйти от него?.. Актриса райцентровского театра, с микроскопической зарплатой, с маленьким ребёнком?... Бросить обеспеченную жизнь и переехать в чужой, огромный город Москву – это же страшно!

– Страшнее было оставаться: жизнь с ним напоминала сплошное партсоборание... В нём всё меньше и меньше оставалось человеческого – он превратился в партийного зомби: с подчинёнными разговаривал сплошными лозунгами, дома – давал указания и принимал постановления. Даже в постели, занимаясь сексом, он как-будто выносил мне выговор с занесением в личное тело...

Из маминого дневника:

«... Жил только по директивам партии.

Когда ввели сухой закон, и поступила директива бороться с пьянством, он запретил в ресторанах подавать даже пиво. Лишь на поминки разрешалось шампанское, поэтому в ресторанах свадьбы оформляли как похороны, невеста, на всякий случай, приходила в белых тапочках, а гости, на всякий случай, вместо букетов, приносили венки...

Когда случайно в наш городок забрела первая иностранная делегация – он сделал из этого глобальный праздник: все предприятия прекратили работу, все сотрудники вышли на демонстрацию. Перед этим, в областном центре раздобыл красную материю. Её нарезали на флаги и транспаранты, написали на них белой масляной краской утверждённые обкомом лозунги: «Миру мир!» и «Хинди-Руси бхай-бхай!». Всё это прикрепили к палкам, и, в ожидании гостей, вынесли на улицу. Когда появилась делегация, специально назначенные заводилы, организовали крики радости и восторга, и все стали размахивать лозунгами и знамёнами, чем очень напугали иностранцев.

Когда делегация уехала, осталась гора уже никому ненужных флагов и транспарантов, и он разрешил раздать их народу. При вечном дефиците всего, красный материал был дорогим подарком – люди сшили себе нарядные одежды. Правда, белую масляную краску отстирать

не удалось, поэтому на мужских рубашках остались надписи «Миру мир!», а на женских юбках – «Бхай-бхай!», что делало их ещё более нарядными...»

– ... У него даже фамилия была – Правдж! – продолжила Людмила Михайловна. – Ну, скажи, можно жить с человеком, у которого такая верноподданническая фамилия?!.. Конечно, когда развелась, я сразу вернула и себе и тебе мою девичью...

– Но он хоть алименты присылал?

– Я отказалась, чтобы он на тебя не претендовал... Да он тобой и не интересовался, до самой смерти... Партия заменяла ему и меня, и тебя... Ладно, хватит о нём. А теперь ты ответь, только честно: тебе никогда, ни разу, не захотелось иметь ребёнка?..

– Честно?.. Было. На крестинах у сослуживца... Так вдруг зануло!.. Поехал к Тоне, помнишь, ты её называла «рыжая бестия»?..

– Конечно. Та ещё бестия. Но красотка!

– ... Так вот, приехал и говорю: «Я подозреваю, что Димку ты родила от меня, я хочу вместе с тобой растить моего ребёнка». А она прищурила свои глазки: «Почему ты решил, что это твой?.. Ты что, присутствовал при родах?..». Отвечаю: «Я присутствовал при зачатии»... А она с насмешкой: «Ты так часто уезжал, что твоё зачатие произошло без тебя». И выставила меня за дверь. – Он подошёл к столику, на котором стоял телевизор, магнитофон, плеер. – Давай послушаем твоего любимого Элвиса Пресли. Людмила Михайловна замахала рукой.

– Нет, нет!.. Сегодня я хочу тихой и умной лирики.

Подошла и поставила диск. Зазвучал голос Окуджавы:

– *Виноградную косточку в тёплую землю.*

– Чего ты встрепенулся?

– Вспомнил одну девушку – ей очень нравилась эта песня.

– Значит, хорошая девушка.

– Хорошая. Я даже обещал повести её на концерт Окуджавы, но так и не повёл. Забыл.

– Поведи сейчас, на какой-нибудь другой концерт.

– Поздно, мама, опоздал. Давно это было.

– ... *И друзей позову – на любовь своё сердце настрою.* – пел Окуджава.

– Сын! Меня пугает, что ты повторяешь мою судьбу, конечно, по-своему, по мужски: ты держишь своё сердце на цепи, а я, наоборот: его отдавала каждому, и каждый раз не тому!.. Моя жизнь – путешествие по граблям... В итоге, и ты, и я – одиночки... Может, кота тебе подарить?

– Ты же знаешь, у меня всегда в холодильнике пусто – когда-нибудь я его сварю.

– Боренька, быть одному тяжело. Пожалуйста, не иди к моему финалу!

– У меня есть ты.

– Я когда-нибудь умру.

– Ты бросишь меня одного? Не посмеешь!

– Малыш, поверь: жизнь должна быть цветной, а одиночество делает её чернобелой. Мне уже её не перекрасить, а у тебя ещё есть время!.. Найди достойную женщину, влюбись до сумасшествия, женись... Кстати, почему бы тебе не присмотреться к моей соседке – я тебя с ней знакомила. Она хорошо воспитана, образована. вкусно готовит – я у неё всегда обедаю.

– Мам! Она страшна, как долг в миллион долларов.

– Красивая жена – приманка для других, вечный повод для ревности... Жена должна быть милой, нежной, домашней... И, пожалуйста, запомни, что говорят французы: даже самая красивая женщина не может дать больше того, что она может.

– ... *Царь небесный пошлёт мне прощенья за утешал* Окуджава.

Борис глянул на её рюмку.

– ... Ты недопила?

Она ответила:

– Не хочется. – И добавила как бы мимоходом, невзначай – Завтра я ложусь в больницу.
– Опять сердце? – встревожился Борис.
– Не только. Хотят обследовать... Да не пугайся ты так!.. Женщины всегда болеют чаще мужчин, а живут дольше – значит, болеть полезно!
– ... *И заслушаюсь я и умру от любви и печали,*
А иначе зачем на Земле этой вечной живу... завершил свою песню Окуджава.

Этот визит к маме состоялся ровно за неделю до начала всей этой странной истории. Чуть-свет Бориса срочно вызвал к себе полковник. Полковник был правильным, как устав, честным, как присяга, и скучным, как учебник истории КПСС...

Любил изрекать «поучительные фразы», именую их афоризмами, вроде: «Когда плохо – это нехорошо» или: «Сегодня ты изменил жене – завтра ты изменил Родине»...

У полковника была забавная фамилия Лукоперец, что дало повод Борису за глаза называть его Рыбоясо. Шеф знал об этом, поэтому Бориса недолюбливал. Полковник не пил, не курил, был верным мужем, хорошим отцом и любящим дедушкой – на столе у него стояла фотография двух обожаемых маленьких внучек-близняшек. При взгляде на них. лицо его всегда освещалось счастливой улыбкой. Поэтому, когда начинал разнос подчинённых, фотографию внучек прятал в ящик стола, чтоб они его не расслабляли. Естественно, его раздражали и постоянные выпивки Бориса, и его любовные приключения, о которых ему докладывали. Но он вынужден был всё это терпеть: полковник Лукоперец был добросовестным служакой, но уже изрядно уставшим от своей беспокойной должности начальника отдела особо тяжких преступлений, поэтому с нетерпением ждал перевода – ему обещали хорошую «тихую» должность, при которой, наконец, он сможет больше времени посвящать семье и спокойно спать до утра, не вскакивая от ночных звонков, сообщающих об очередных убийствах. Но чтобы получить это желанное место, надо было поддерживать высокий процент раскрываемости преступлений – вот почему ему приходилось терпеть этого «выпивоху, бабника и вертихвоста»: когда дело казалось совершенно безнадежным, он поручал его Борису, и тот, как гончий пёс, всегда выходил на след и выискивал преступника. Полковник признавал в Борисе этот талант, использовал его, но не уставал бороться с «аморальным» образом жизни своего подчинённого и, после каждого успешного дела, выносил ему вместе с очередной благодарностью и очередной выговор.

– Дело будет громким! – сообщил он Борису. – Олигарх Олег Бурцев найден в своей машине мёртвым.

– Убийство?

– Убеждён. Но ни аварии не было, ни ранений... Экспертиза проверяет варианты отравления – пока тоже не ясно. Машина цела, следов ограбления нет. Ситуация странная – поезжайте и разберитесь. С вами поедет капитан Рябой, а с завтрашнего утра у вас будет постоянный помощник. И помните: «Кто хочет, тот добивается. кто не добивается – тот не хочет!» – завершил он своим афоризмом.

– Я помню, – подтвердил Борис, – была такая песня: «Кто весел, тот смеётся, кто хочет, тот допьётся!...» – и вышел из кабинета.

– Болтун!.. – проворчал вслед ему Лукоперец и сообщил близняшкам на фотографии. – Слава Богу, мне ещё не долго его терпеть.

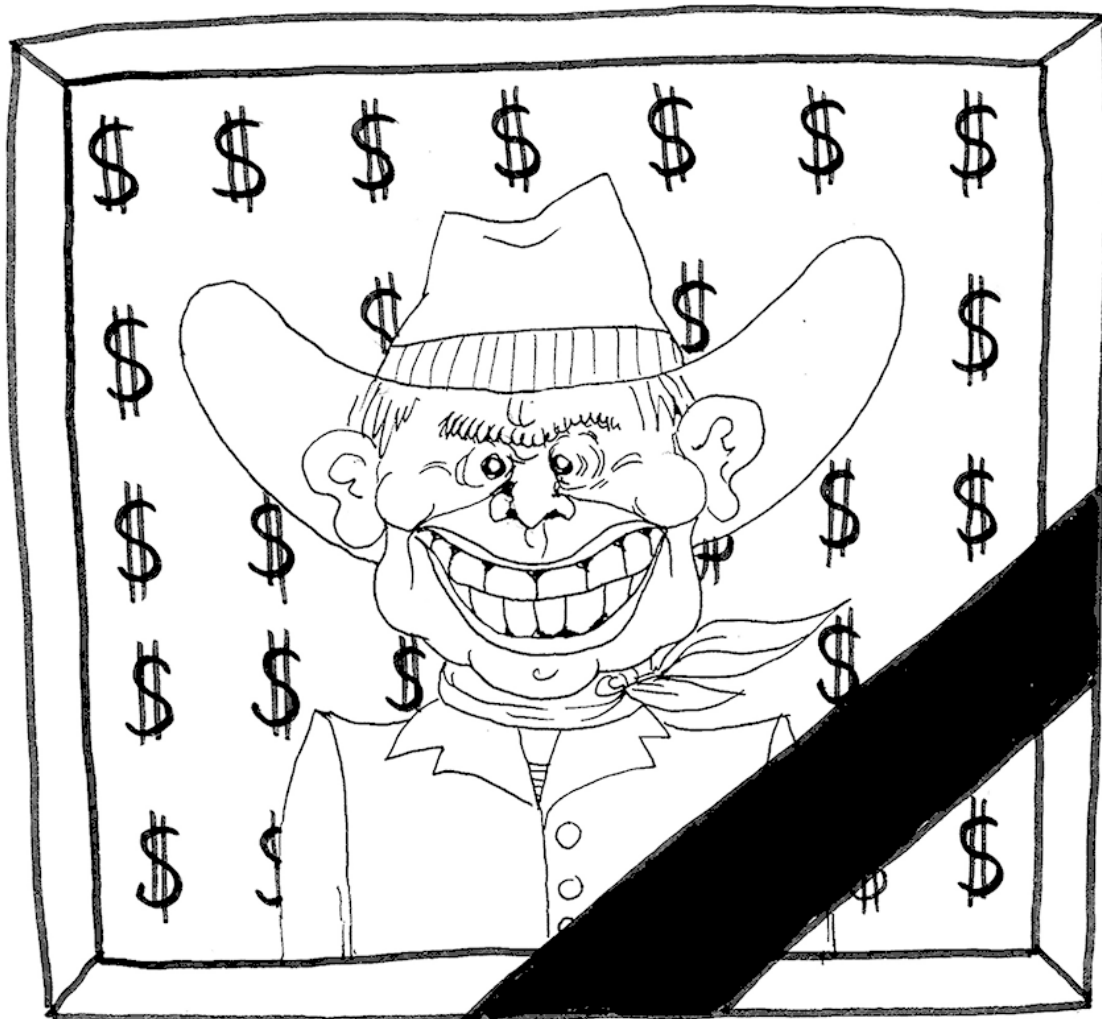
Борис знал, кто такой Олег Бурцев – его фамилия много лет была у всех на слуху. О нём ходило много сплетен, газеты подсчитывали его миллионы, интернет был заполнен подробностями о его любовных приключениях, телевидение гонялось за ним, чтобы взять интервью...

Когда Джордж Буш-младший победил на выборах, многие обратили внимание Бурцева на то, что он и Буш очень похожи. Ему это понравилось, и он стал всячески закреплять сходство с американским президентом – выходцем из Техаса: ходил в джинсах, клетчатых рубашках, свитерах, носил широкополую шляпу. Купил огромный участок земли под Рязанью, назвал его «ранчо» и разводил там лошадей.

К своему богатству он пришёл довольно быстро: в мутные годы перестройки в стране был огромный дефицит компьютеров, факсов, принтеров... Их привозили из Америки и Европы

и продавали по суперспекулятивным ценам – растущие, как грибы, новые фирмы, банки, корпорации весь этот товар буквально вырывали из рук. Олег сперва сам занимался челночными перевозками, а потом поставил дело на поток, организовав беспрепятственный провоз всей этой электроники мимо подкупленных таможенников. В те годы рубли обесценились, тысячи превратились в миллионы, денег было столько, что он хранил их в мешках на балконе. Раз в месяц, чтоб они не отсырели, высыпал все деньги на керамический пол и сушил их, перемешивая граблями.

Но на этом Олег не остановился, он рвался к более крупным, «валютным» заработкам. Для этого сколотил банду молодых «качков» из Подмоскovie, и занялся рэкетом, взимая дань с преуспевающих магазинов, ресторанов, банков. Постепенно он стал «официальной крышей» тех фирм, которые грабил. Через какое-то время потребовал взять его в компаньоны. Те, кто не соглашались, погибали в автокатастрофах или выпадали из окон, остальные, спасая свою жизнь, вынуждены были «пойти под него». Так он довольно быстро превратился в персонаж стихотворения Самуила Маршака: стал «владельцем заводов, газет, пароходов».

Посидев час у интернета, Борис ощутил масштаб деятельности Бурцевского синдиката: в совместных бизнесах были задействованы более двадцати стран, от США до Монте-Карло. Конечно, у такого человека было достаточно завистников, недоброжелателей, врагов... Ну, что ж, начнём с самых близких!

Свой новый дом на Рублёвке Бурцев построил по специальному проекту: из белого камня, с колоннами, верандами, круглой гостиной – мини Белый Дом в Вашингтоне. Вокруг –

железобетонный забор с чугунными пиками наверху, который мог бы выдержать осаду двух-трёх римских легионов. У входа – небольшой кирпичный домик для охранников. После тщательного исследования удостоверений, их пропустили вовнутрь в сопровождении двух телохранителей (две бритые головы и две горы мускулов), которые сдерживали собак, пока незваные гости шли через двор к дому.

Сын покойного олигарха Арнольд после очередного ночного загула домой ещё не вернулся, его разыскивали, чтобы сообщить о смерти отца. Дав команду своему спутнику походить по дому, познакомиться с обслугой, Борис остался в гостиной, чтобы встретиться с Юлей-сожигательницей покойного олигарха. Когда он из проходной по мегафону представился и попросил о свидании, она сообщила, что только встала и пригласила в гостиную, подождать пока она оденется и выйдет.

Он сидел в роскошном венском кресле и с любопытством рассматривал антикварную мебель, бронзовые люстры с хрусталём, дорогие гобелены, фарфоровые чудища...

Наконец, услышал стук каблучков и увидел Юлю, спускающуюся по лестнице. На ней были короткие шорты, позволяющие любоваться её роскошными ногами, и обтягивающая полупрозрачная майка с глубоким вырезом. Лифчика под майкой не было. «По-моему, она не оделась, а разделась», подумал Борис. Потом увидел огромные синие глаза под модной оправой очков и распущенные золотистые волосы... «Могла бы участвовать в самом престижном конкурсе красоты, – оценил он её, – и лично я присудил бы ей первое место».

Поздоровавшись. Юля села в кресло у журнального столика, закинула ногу на ногу, закурила сигарету.

– Вы пришли спрашивать об Олеге?.. Если о его делах – я не в курсе, если о его друзьях – у него их не было, если о его подругах и развлечениях – он меня не посвящал...

– Мне кажется, вы не очень переживаете его гибель?

– Вам правильно кажется.

– Вы его не любили?

– Никогда.

Стараясь не смотреть на её ноги. Борис скользнул взглядом выше и невольно упёрся в вырез на майке, из которого призывно выглядывали два тёплых холмика её груди. «Проклятый блядун!.. Ты можешь не отвлекаться!?» – мысленно отругал он себя и рывком отвёл глаза в сторону. Тоже закурил.

– Но уже почти два года вы жили как муж и жена. у вас семья...

– Это не семья, это – моя работа. Он меня отобрал – меня ему прислали.

– Кто прислал?

– Есть такое модельное агентство, которое поставляет любовниц богатым мужикам. Когда меня туда принимали, сразу предупредили, зачем берут... Олег – их постоянный клиент, ему меняли женщин каждые полгода – я случайно задержалась.

– Наверное, он вас любил.

– Он? Любил?.. – Рассмеялась. – Ему это не дано!

– Но вы жили с ним намного дольше других?

– Просто, я лучше вписалась в интерьер... Как все эти вещи: столик с перламутром, итальянская ваза, часы с боем... Это была не жизнь, это была тяжёлая работа: унижения, хамство, даже побои...

– Как же вы, такая красавица, это терпели?!

– Хорошо оплачивалось: он покупал мне дорогие платья, шубы, дарил бриллианты, сапфиры, золото... Я ждала, что в любой момент выгонит, поэтому старалась успеть побольше из него вытащить... Просила новые шубы, плакала, что потеряла драгоценности... Он злился, ругался, но покупал... Ведь чем дороже женщина обходится мужчине, тем больше он её дорожит... А всё купленное я передавала маме во Львов, чтоб сохранилось... – Она докурила, бросила окурок в пепельницу. Улыбнулась. – А за красавицу – спасибо, даже если это обычный комплимент.

– Но вы. действительно, красавица!.. У вас иконописное лицо, глаза синее тех сапфиров, которые он вам дарил, ноги растут из-под ресниц!..

Она посмотрела на него с удивлением и интересом.

– А вы очень профессионально разбираетесь в... сапфирах... Но. думаю, вы пришли не для того, чтобы говорить мне комплименты. Я ведь в числе подозреваемых, верно?

– Увы!.. – Спohватившись, что он опять не сдержался, и, злясь на себя за это, Борис перешёл на строгий деловой тон. – Я вынужден задать вам неприятные вопросы.

– Не я ли убила Бурцева? – Она улыбнулась. – Если б вы знали, как часто мне хотелось это сделать, но... Кто же убивает курицу. несущую золотые яйца!.. Я была очень заинтересована в его долголетьи.

– Но вы могли надеяться, что он вас внес в завещание?

– Никогда. Он меня сразу предупредил, что я – временка. Поэтому и старалась побольше из него выжать, продлить нашу псевдосемейную жизнь. Правда, Арнольд, сын его, меня ненавидел, наверное, подозревал в посягательствах на наследство, но боялся отца, поэтому терпел.

– Он дружил с отцом?

– Как кошка с собакой. Олег орал на него, выгонял из кабинета.

– А перед смертью Бурцева они не ругались?

– Ещё как! Олег застукал Арнольда, когда тот пытался открыть сейф.

– Отец не давал ему денег?

– Давал. Но тому всё было мало – он ведь ещё содержит своего дружка Ромочку, водит его по кабакам, казино, делает подарки.

– Дружку?

– Да. В наше время это совсем не редкое явление.

– Вы хотите сказать, что Арнольд...

– Я ничего больше не хочу говорить. Сами разберётесь – Она встала, подошла к лестнице, ведущей на второй этаж, остановилась. – А вы – симпатяга. Жаль, что вы не олигарх – я бы попросила, чтоб меня к вам распределили.

Снова рассмеялась и ушла к себе наверх.

Вошёл капитан, доложил:

– Обслуга состоит из горничной, поварихи, садовницы. Горничная и садовница сейчас здесь, я с ними говорил – подробное-ти доложу попозже... А вот это я нашёл в кухне, на одной из полок, между тарелками. Достойно внимания!

Он протянул блокнот. Борис перелистал страницы, на которых повариха записывала купленные продукты и их стоимость.

– Ну, и что вас заинтересовало?

– Это.

Капитан указал на последнюю страницу. В левом верхнем углу было написано: «крем», под ним – «Кураре». В правом углу стояло слово «пирожное», под ним – «Цианистый калий»...

– Очень интересно! Молодец, капитан!.. А где сама повариха?

– Исчезла. С утра не появлялась. Мне дали телефоны, я звонил – не отвечает, ни домашний, ни мобильный.

– За её домом поставить наблюдение и телефоны на прослушку!

– Я уже распорядился.

– Очень хорошо. Если не объявится – срочно в розыск.

– Слушаюсь!.. Там сын Бурцева вернулся, зовут Арнольдом. Помятый. испуганный, думаю, для допроса не очень готов.

– А у нас будет не допрос, а дружеская беседа. Пригласите его сюда, а сами ещё раз обойдите дом. присмотритесь – у вас зоркий глаз.

– Спасибо. Слушаюсь!

Он вышел, скомандовал «Заходите!» и через секунду в дверях появился Арнольд, бледный, отёчный, с синевой под глазами. Его волосы были заплетены в десятки тоненьких засаленных косичек и сзади связаны в пучок тонкой красной лентой.

«Интересно, когда он в душе, он их расплетает или намыливает сверху?», – мысленно задал себе вопрос Борис. А вслух спросил:

– Надеюсь, вы уже в курсе?

– Конечно. Мне Игнат сообщил.

– Это кто?

– Наш начальник охраны. Ещё ночью позвонил.

– И вы только сейчас приехали?

– А куда спешить?.. Он сказал, что и отца, и машину увезли на экспертизу. Мне было страшно – в пустой дом, ночью...

Он был напряжён, волновался, но старался это не показывать. Поэтому отвечал громко, наступательно и даже развязно.

– Говорят, вы часто ссорились с отцом?

– А с ним нельзя было не ссориться. Орать, хамить, оскорблять – это его стихия. Я был одним из его мальчиков для битья.

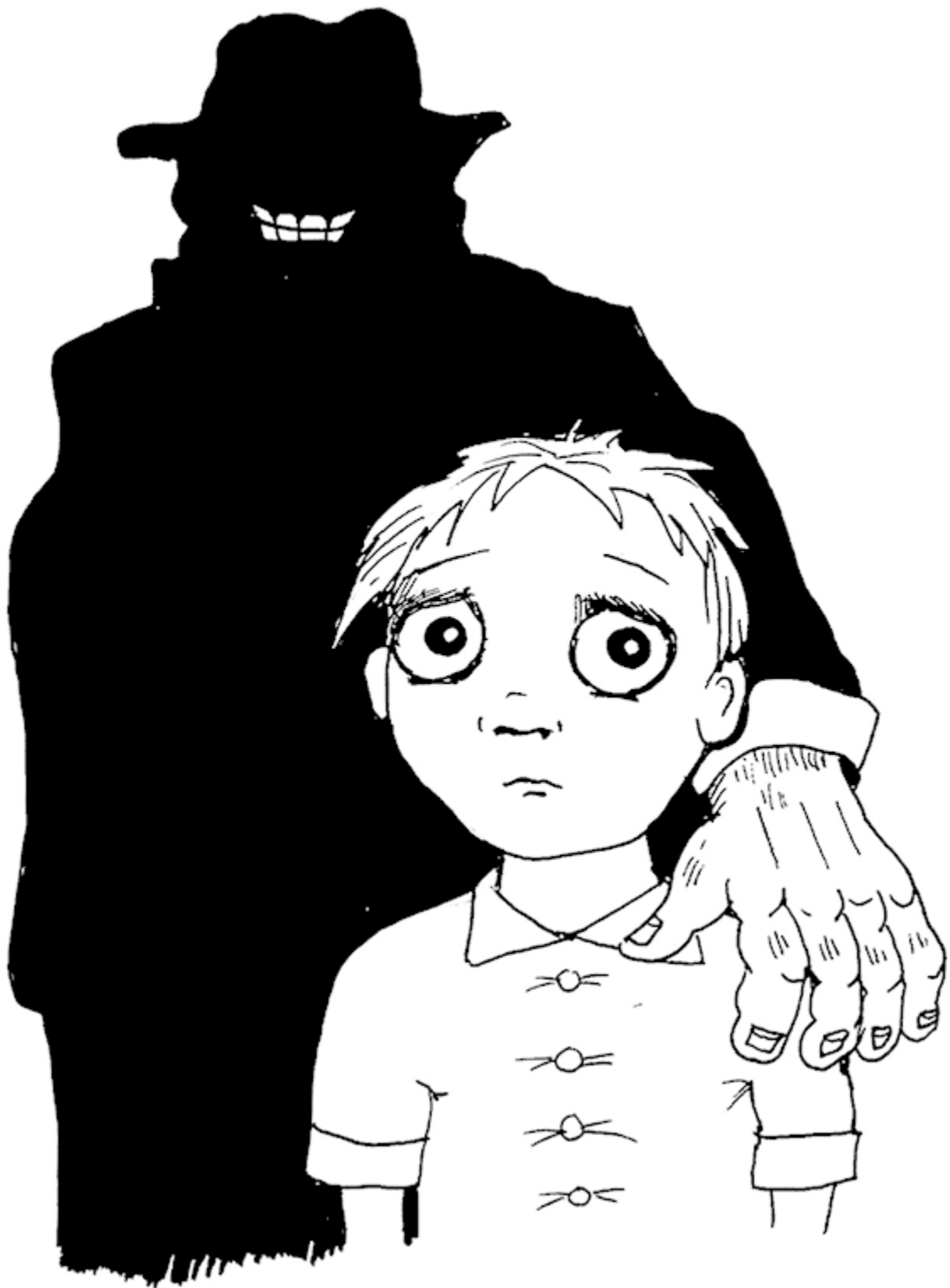
– Мать не заступалась за вас?

– Она давно умерла. Он доводил её до истерик, которые окончились самоубийством, когда я был ещё ребёнком... Я рос без матери и. практически, без отца: он ни разу не поиграл со мной, не обнял, не поговорил без крика. Я потому и стал таким... этим... Думаю, вас уже проинформировали?... Да, да, голубым!.. Среди телохранителей отца был огромный добродушный шкаф по прозвищу Петюня. Отец приставил его ко мне. Петюня возил меня в школу, поджидал после уроков, водил гулять, заботился обо мне, ласкал... и однажды это произо-

шло... Затем ещё раз и ещё. Сперва я был очень испуган, а потом мне понравилось. Сейчас я понимаю, что это – моё, генетическое, от каких-то предков. Рано или поздно я бы пришёл к этому – так лучше сразу!.. Почти год нам удава лось скрывать наши отношения, но потом отцу донесли. Можете представить, что в доме творилось?!.. Меня он избил так, что я сутки не мог встать с кровати, а Петюню просто не нашли... Пропал Петюня!.. Но я уже вошёл во вкус, встречался с красивыми мальчиками, менял их, пока Бог не свёл меня с Ромочкой... Ромочка – это мой друг, моя любовь, мой муж. Мы с ним уже больше трёх лет вместе.

– И отец с этим мирился?

– Что вы?!.. Он объявил мне священную войну: грозил выгнать из дома, каждый месяц устраивал мне проверки на СПИД, даже за стол с собой садиться не разрешал – мне подавали обед отдельно, как прокажённому... А какую он революцию в доме совершил!

И Арнольд рассказал, что после случившегося, Бурцев выставил всех телохранителей за ограду, построил специально для них сторожку и категорически запретил входить в дом. «Я сам смогу себя защитить!» – заявил он и уже не расставался с пистолетом, который днём носил в кобуре, а на ночь вынимал и клал на тумбочку у постели. Кроме того, он научился метать охотничий нож точно в цель, чем очень гордился: ведь это делало ещё более похожим на ковбоя. Иногда, во время ведения самых высоких переговоров, он демонстрировал это своё умение, втыкая нож в дверь кабинета, что ускоряло получение согласия партнёров на все его условия.

В доме у него теперь работали только женщины. А охрану, и дома, и двора, приняли на себя собаки: две злобные кавказских овчарки и два огромных чёрных терьера, похожие на двух мохнатых демонов. Из-за ограды слышалось такое жуткое рычание, что все прохожие поспешно переходили на другую сторону дороги, а все пробегающие мимо кошки падали с инфарктами... Если кто-нибудь захотел бы кончить жизнь самоубийством, ему для этого нужно было только просунуть голову в калитку.

– Как отец реагировал на ваши отношения с вашим... – Борис запнулся, – ... вашим... другом?..

– Можете смело называть его моим мужем. Мы не расписаны, только потому, что в нашей дикой стране это запрещено... Отвечаю на ваш вопрос: убедившись, что меня не переделать, отец махнул рукой и смирился. Мы почти не разговаривали, обедали молча... Я просто жил под зонтиком его фамилии. Раз в месяц он выдавал мне деньги на мои расходы.

– Вам хватало?

– Вполне. Надо отдать должное – он не был жмотом.

– Тогда зачем перед смертью отца вы пытались открыть его сейф?..

– Потому что эту машину я нашёл по объявлению, я!.. И показал это объявление ему в надежде, что он подарит её мне, к моему двадцатипятилетию. Но он обманул мои ожидания, оставил её себе. Зачем?! У него уже есть и «Мерседес», и «Роллс-ройс», и «Бентли»... Он не разбирается в красоте – ему всё равно, на чём ездить!.. А я обожаю машины, я отношусь к ним, как к живым существам... Я восхищаюсь ими, как молодыми мальчиками!.. Когда я впервые увидел на экране эту «Мэри», я пришёл в восторг, доходящий до оргазма!.. И меня охватила злость, и досада, и даже ненависть за убитую надежду: ведь я обещал Ромочке катать его в этой машине!.. Вы её видели, эту красавицу?

– Ещё нет – она на экспертизе. Вам её завтра возвратят.

– Приходите посмотреть: это – пришельца из космоса!

– Что за название «Мэри»? Никогда не слышал.

– И я!.. Но когда прокрутили рекламный клип и я узнал, что она может-у меня крыша поехала! Это не машина – это фантастика!.. Полная автоматика: задаёте маршрут и ложитесь спать – она сама привезёт вас, ни с кем не столкнувшись, останавливаясь перед светофорами, пропуская пешеходов!.. Представляете?... Плюс полная герметизация – можно передвигаться по дну реки, как в танке!.. Одним нажатием кнопки вы меняете номера, меняете её цвет, прямо на ходу, без перекраски!.. И ещё много-много разных приколов!..

Он был возбуждён, покраснелся, размахивал руками – Борис подумал: наверное, так Петрарка рассказывал о своей Лауре.

– И вы ломились в сейф, чтобы украсть деньги и купить себе такую же машину?

– Да. Но судьба распорядилась иначе, и мне уже не надо покупать.

Борис внимательно посмотрел на него и негромко спросил:

– А не вы ли подкорректировали судьбу?

– Не понял?

Возбуждение прошло, взгляд Арнольда снова стал настороженным и испуганным.

– Нам рассказали, что когда отец поймал вас с поличным, он обругал вас и побил, а вы угрожали его убить.

– Не помню, я был очень зол, мог и угрожать. Но я не убивал его!..

– Где вы были вечером и ночью?

– Как всегда, ужинал в «Пегасе», а потом ночевал у Ромочки. Ромочка подтвердит.

– Кто платил за ужин?

– Это имеет значение?.. А, понимаю: вы думаете, что из-за ужина Ромочка меня будет выгораживать?..

– Мне просто интересно.

– Хорошо. Платил я. Я всегда плачу. Потому что Ромочка бедный. Но честный!.. А точнее: честный, поэтому и бедный.

– Ладно, о Ромочке потом. А как вы относитесь к Юле?

– Как можно относиться к хищнице?.. Не люблю и презираю. Беспардонно сосала деньги!

– Из вашего наследства?

– Вы опять поворачиваете на меня?.. Да, я – единственный сын, ему некому больше оставлять... Хотя от него можно ждать любых выходов... Поскорей бы вернулся наш адвокат-завещание у него.

– А где он?

– На Канарских островах. Завтра прилетает, в четыре тридцать.

– Откуда вы это знаете?... – Арнольд смешался. – Вы ему уже звонили?.. Да или нет?

– Да, звонил. Звонил!

– Почему вы так разволновались?

– Потому что это естественно: решается моя дальнейшая жизнь!.. А как вы бы себя вели, если бы ожидали многомиллионное наследство?

– Не знаю: мне это не грозит... – спокойно сообщил Борис, и, не меняя тон, спросил. – Где я могу видеть вашего Ромочку?

– Зачем? – испугался Арнольд. – Он ни в чём не виноват!..

– Вы считаете, что лучше прислать за ним милиционера?

– Нет! Не надо, прошу вас!.. Это испортит его репутацию!

– Где я смогу его повидать?

– В ночном клубе «Голубой банан» – это название Ромочка придумал! Оно привлекает, народ прёт.

– Спасибо. Мы ещё встретимся. А пока, мой вам совет, примите душ и проспите. И из города не выезжайте. Если вы это сделаете, я вас найду и арестую. Ясно? – Арнольд покорно кивнул. – Спокойной ночи, точнее, утра!

Внизу, в холле, Борис столкнулся с капитаном.

Тот доложил:

– Садовница, по-моему, вне подозрения: толстая, рыхлая, больная. На ногах валенки с галошами, даже летом боится сырости. Горничная накапала, что она ходит в кальсонах мужа, точнее, еле ходит.

– А помоложе он найти не мог?

– Она какая-то троюродная сестра его покойной мамы, поэтому держал. Да там работы немного: деревья срублены, чтобы весь двор просматривался, кусты все одинаково подстрижены, как призывники. Есть ещё две клумбы с цветочками, только поливать – полив автоматический... Приползает она сюда три раза в неделю. на два часа, больше не требуется, в дом не заходит – запрещено.

– А кто занимается машинами?

– Есть техник, его вызывают по необходимости. Во двор не пускают – гараж снаружи за забором.

– Кто смотрит за собаками?

– Охранники. Если что случается, привозят ветеринара. Но что с этими чудовищами случится? Разве что подерутся, покусает друг друга... Я, товарищ майор, из всех разговоров понял, что после случая с сыном, Бурцев жёстко ограничил доступ в свой дом.

– Правильно поняли, капитан. Значит, только двое там бывали ежедневно: повариха и горничная. Так?

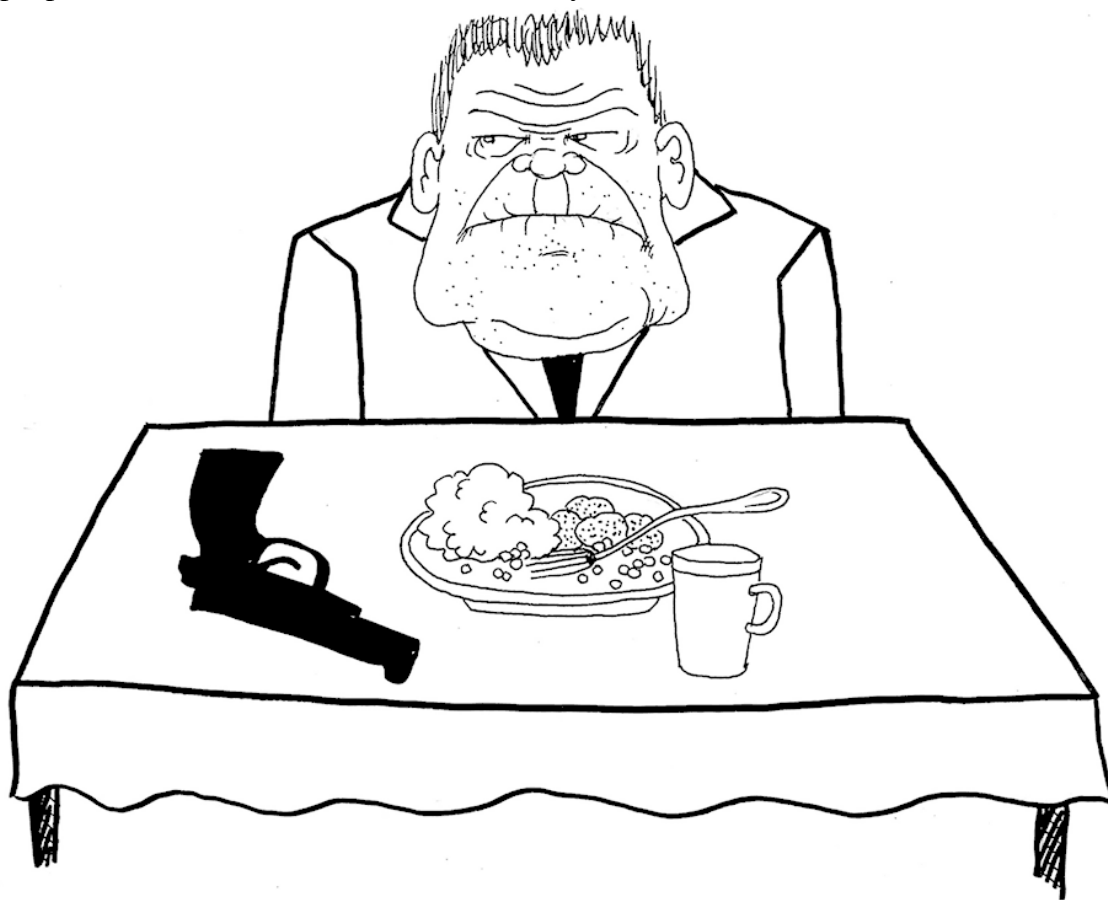
– Так. Повариху отслеживаем.

– Займитесь горничной, прощупайте её со всех сторон... Но не в буквальном смысле!

Улыбнувшись, капитан козырнул и отправился искать горничную. а Борис пересёк двор, вышел за ворота и попросил охранника провести его к их начальнику Игнату Бондарю. Тот проводил его к домику за оградой.

Они беседовали в комнатке, которая была чем-то вроде кабинета. Бондарь сидел в полу-кресле, за столом. Борис расположился напротив и исподволь рассматривал собеседника.

Высокий, поджарый, с серым лицом, словно отлитым из бетона, со шрамом через всю щеку, глубоким, с рваными краями, будто его выбивали зубилом, никогда не улыбающийся – Бондарь не вызывал желания сразу броситься к нему в объятия. Наоборот: тому, на ком он останавливал свой тяжёлый холодный взгляд, сразу хотелось лечь и самому добровольно умереть. Борис подвёл итог своему первому впечатлению, перефразировав Чехова: в Бондаре всё прекрасно, за исключением лица, одежды, души и мыслей.

Под пиджаком у него виднелись две кобуры, из которых высовывались рукоятки пистолетов. Он никогда не расставался с оружием, ни днём, ни ночью.

Борис подумал: наверное, даже во время еды. у его тарелки, справа и слева, вместо ножа и вилки, лежат пистолеты. Он предварительно ознакомился с биографией Бондаря и знал, что сразу со школьной скамьи тот пересел на скамью подсудимых. Отсидел восемь месяцев за хулиганство, вернулся, снова сел на три года за грабёж. Вышел, занялся рэкетом, там и познакомился с Бурцевым, который взял его в свою команду. Несколько лет они «работали» вместе – Игнат был постоянным телохранителем Бурцева, исполнительным, жестоким и надёжным. Он расчищал ему дорогу, убирая врагов и конкурентов. «Ему жить вредно» говорил он об очередной жертве, и это звучало приговором, который он же и приводил в исполнение.

Естественно, что пробившись в олигархи, Бурцев назначил его начальником своей службы безопасности.

– Вы были обижены на Бурцева? – спросил Борис.

– Конечно!.. Мне этот Петюня сразу показался подозрительным: не пил, не курил, не матерился... Я сказал Олегу, но он отмахнулся, только присматривать велел... А я эту падлу до конца так и не усёк!.. Правда, ему это даром не прошло, но... Конечно, я виноват. проглядел Арнольда!..

– Вы дружили с Бурцевым?

– Да мы – два братана!.. А он меня, как собаку, из дому выставил, и собак вместо меня взял!..

– Вам очень обидно?

– А то!.. Даже в тюрьме амнистию дают, а он меня уже пять лет за забором держит.

– А вам никогда не хотелось рассчитаться за обиду?

– Не понял... Не-по-нял!.. – Лицо Игната налилось кровью и из серого стало бурым. – Вы хотите сказать, что это я?... Олега?!..

– Я только спрашиваю.

– Ты спрашиваешь, замочил ли я своего братана?... Ну, мент!.. Сейчас я тебе отвечу!.. Культурненько!

Он вскочил и замахнулся через стол, но Борис успел перехватить его руку, и отработанным приёмом прижал к столу. На шум ворвался капитан Рябой, выдернул пистолеты, щёлкнул наручниками, хотел увести.

– Не надо, – остановил его Борис, – мы не договорили.

Капитан отпустил Бондаря и, уходя, предупредил:

– Товарищ майор, если что – я за дверью.

– Садитесь! – пригласил Борис. Игнат молча опустился в своё полукресло, глазами упёрся в стол. – Ваш эмоциональный порыв я расцениваю как отрицательный ответ. Верно? – Бондарь молчал, не поднимая головы – И даже готов поверить в вашу дружбу с покойным. Но тогда объясните: почему вы его отпустили одного, именно в день убийства?

Бондарь подскочил в кресле.

– Да не взял он меня, не взял!.. Вожжа под хвост заскочила – хотел сам хватануть кайф от этой тачки!.. Я просил, просил, будто сердце чувало... Да ладно!.. – Он встал. – Уводите! Не могу больше об этом базарить!.. Да и не хочу!..

Вытянул руки вперёд, как бы предлагая надеть наручники.

– Я не собираюсь вас арестовывать. – Всё ещё не опуская рук, Игнат удивлённо и вопрошительно взглянул на Бориса. – Наоборот: я хочу, чтоб вы помогли мне найти убийцу. Подумайте и составьте список подозреваемых, ладно?... Решите позвонить, вот моя визитка... И из города не уезжайте. – Поднялся со стула и направился к дверям – Если разрешение на оружие у вас есть – вам его вернут...

– погоди! – остановил его Бондарь. – Если не темнишь, я землю носом рыть буду, чтобы мочилу найти. Всех в мозгах перетру, завтра же тебе на каждого ответы дам...

– Лады! – Согласился Борис. – Поговорим. Только при условии, что не вздумаете опять отвечать «культурненько».

Послышался треск – это Бондарь раздвигал свои бетонные щёки, пытаясь улыбнуться.

Заглянул Рябой.

– Товарищ майор, если вы закончили, пойдёте к горничной – она ждёт в гостиной.

Борис повернулся к Бондарю.

– Ваше мнение о ней?..

Тот пренебрежительно махнул рукой:

– Две задницы: она там, где положено, другая – вместо головы.

Когда они шли через двор, Борис спросил у капитана:

– Ваше впечатление совпадает?

- Полностью. Глупа, как пробка. Сами увидите.
- Как её зовут?
- Представилась Ксюшей.
- Значит, Ксения.

В гостиной их ждала круглощёкая, белокурая девица, похожая на матрёшку, с выщипанными бровями – вместо них были нарисованы два маленьких коромысла. Под ними – большие, влажные глаза молодой коровы, печальные и зовущие. Грудь выпирала, как зачехлённая ракета, а талия была так затянута, что казалась намного тоньше шеи. Юбка даже не пыталась прикрыть колени, потому что оканчивалась там, где кончались трусики.

При виде вошедших мужчин, она подогнула ноги и сделала движения, напоминающее посадку на унитаз, что должно было изображать книксен.

- Откуда вы, прекрасное дитя? – с трудом сдерживая улыбку, поинтересовался Борис.
- Из Молдавии я, из города Бельцы. Небось, слышали?
- Ещё бы! Я там двух таких классных жуликов прихватил!..
- То-то! – обрадовалась она. – У нас в Бельцах всё классное!.. А я там школу окончила и курсы макияжа... Косметику знаю, массаж век могу сделать, подбородок подтянуть...
- А как сюда попали?
- Через бюро по трудоустройству. Взяли на неделю, на пробу, я им понравилась – оставили насовсем.
- А вам тут хорошо?
- Ещё бы!.. Мои землячки по полгода кантуются – нигде устроиться не могут, а я сразу попала. В такой домище!
- Бурцев вас не обижал?
- Да что вы!.. Он на меня глаз положил!.. Если б не хозяйка, у нас бы с ним...
- Он вам на что-то намекал?
- Когда?!. Хозяйка же всё время дома... Один только раз намекнул, когда она во Львов, к матери улетала... В сауне дело было.

– Что именно?

– Ну, намекнул он мне, в сауне. Шикарно у него там, всё в мраморе... Если б не она, он бы ещё намекал. Но она все время с ним. А ведь немолода, ей уже за тридцать, я паспорт видела... Просто по полдня своей фигурой занимается... Да ради такой жизни я бы круглые сутки велосипед крутила!.. Но в такое агентство, которое для олигархов. приезжим попасть трудно – надо через столько мужиков пройти, которые намекают!..

В машине Рябой подвёл итог:

– Типичная периферийная секс-дурочка. Ради устройства в Москве, вывернет себя наизнанку. Думаю, к убийству Бурцева не причастна – она на него имела виды.

– Вы правы, – согласился Борис, – она бы скорее извела Юлю, чем его. Но всё же уточните, где она была вчера и чем занималась. И проверьте алиби Арнольда.

– Будет сделано, товарищ майор.

– Да хватит: майор, майор! Меня зовут Борис, в крайнем случае, Борис Романович. Ясно?

– Ясно, товарищ майор Борис Романович!

Борис рассмеялся и хлопнул Рябого по плечу.

– Уже лучше. А тебя как величают?

– Владимиром.

– А в детстве – Вовочка, да?.. Я тебя так тоже буду называть... – Раздался звонок, Борис раскрыл мобильник. – Слушаю... Да, я... Хорошо... Знаю, где, знаю... Хорошо... Спасибо!..?

Закрыв мобильник, сообщил Рябому:

– Это Игнат Бондарь. Советует встретиться с Давидом Дуклером – это председатель совета директоров синдиката Бурцева... У них были какие-то стычки и, вообще, он ему никогда не нравился... Ну, это их личные взаимоотношения, но... Но мысль правильная: я сам собирался с ним встретиться... – Он резко крутанул к тротуару и остановил машину. – Значит, так: ты занимаешься горничной, а я поехал к Дуклеру, в их офис. Встречаемся у нашего Рыбомясо, он назначил совещание на шесть вечера...

– Слушаюсь!

Капитан вышел из машины, захлопнул дверцу, но Борис снова окликнул его:

– погоди, Вовчик!.. Ты усёк, как из этой горничной Ксюши груди прут?.. Как на дрожжах, правда?... Большие, тяжёлые!.. Просто хочется помочь, поддержать... Ты бы хотел ей помочь, капитан?..

– У меня свадьба была два месяца назад, ещё медовый квартал.

– Тогда не отвлекайся. А вот я бы ей с удовольствием намекнул!

Теперь уже оба рассмеялись.

Давид Дуклер приветливо улыбнулся Борису, пожал ему руку и усадил в кресло.

– Заходите! Я ждал вас.

Его лоб был величиной в автостоянку, с двумя глубокими залысинами, как въезд и выезд. На плечах элегантный пиджак, дорогая рубашка, галстук с золотым зажимом – экипировка преуспевающего бизнесмена. Но при этом, глаза его были до боли печальные, как глаза детей за колючей проволокой гетто.

– Сразу отвечаю на ваши первые, ещё не заданные вопросы: я – председатель совета директоров. Три года назад Бурцев переманил меня из другой преуспевающей фирмы на эту должность. Зарплату дал среднюю, но обещал через какое-то время ввести в долю, сделать совладельцем фирмы... Так и тащу этот воз, как осёл с привязанной впереди морковкой.

– Слово своё он сдержал?

Давид улыбнулся.

– Если бы всё начало валиться, он бы примчался ко мне с акциями в зубах... А пока я и так пахал, пока всё шло хорошо... – От улыбки его печальные глаза повеселели, будто в

них зажглись маленькие фонарики. – А где вы видели предпринимателя, который держит своё слово, когда дела идут хорошо?..

– Так надо было работать плохо.

Давид виновато пожал плечами.

– Не умею.

– А почему не ушли! Неужели ваше самолюбие не страдало?

Не отвечая, Давид подошёл к бару.

– Что вы пьёте?

– Всё. Но предпочитаю коньяк.

– Наши вкусы совпадают – Вынул бутылку и два фужера, поставил на журнальный столик. Налил в оба фужера. Сел напротив, отхлебнул, в глазах опять зажглись два фонарика. – Я вам сейчас открою одну истину: в евреях во все времена убивали чувство национальной принадлежности и собственного достоинства.

Осталось только чувство самосохранения – оно и спасает. – Фонарики погасли, и он снова вернулся в гетто. Негромко произнёс. – Он бы меня никогда живым не отпустил – я слишком много знаю.

Борис сделал последний глоток и оценил.

– Хороший коньяк!

– Французский, настоящий. – Он долил гостю.

– Вы любите деньги?

– Я их уважаю – они мне очень помогают.

– В чём именно?.. Ездить на курорты, покупать дорогие вещи, менять женщин?..

Пропустив мимо язвительность вопроса, Дуклер спокойно пояснил:

– Я купил домик на Можайском шоссе, километрах в тридцати от Москвы, в подвале построил бункер, с железобетонными стенами, перекрытием, с автономным электричеством, с очистителем воздуха...

Борис искренне удивился:

– Зачем это вам?!..

– Это не для себя. Человечество стремительно движется к самоуничтожению, грядёт атомная война... Я попытаюсь сохранить там своих близких или хотя бы продлить им жизнь... Периодически обновляю запасы продуктов, воду...

– У вас есть семья?

– Была жена. Не самая верная. Пела в каком-то эстрадном коллективе. Много ездила. Возвращалась, награждала меня триппером и снова уезжала. Я терпел и прощал. Но однажды ночью проснулся и вдруг осознал: рядом лежит чужая женщина! Встал, забрал электробритву и уехал к маме... Потом произошла наша встреча с Бурцевым, я ему понравился – с этого и началось.

– Вы живёте с мамой? – спросил Борис.

– Она год назад умерла. Отец служил в армии, я его не помню – я был ещё ребёнком, когда он погиб на каких-то учениях. Живу один, в основном, здесь, в офисе.

– Так для кого же бункер?

– Есть, есть дорогие мне люди.

Борис обвёл взглядом копии известных картин, которыми были увешаны все стены кабинета.

– Вы любите живопись?

– С детства. Дед приучил. Он был маляром, и сам немножко рисовал. раскрашивал потолки... Что-нибудь заработав, покупал мне альбомы репродукций. Пока я не научился читать, он мне пересказывал содержание, правда, на идиш, но в доступной форме... – Дуклер подошёл к картине «Иван Грозный убивает своего сына». – Например, эту он объяснил так: «Фатер – трах, киндерах!»...

– У него были враги?

– У деда?

– У Бурцева?

– Кто-то мудрый сказал: для того, чтобы тебе не завидовали, надо быть нищим, несчастным, горбатым и иметь немножко туберкулёза... А Олег был сильным, богатым, преуспевающим, в общем, счастливым человеком. Правда, у него был своеобразный идеал счастья: сидеть в сауне, пить виски, кушать раков и держать очередную бабу за задницу.

– Но всё же он успешно продвигал свой бизнес.

– В бизнесе он – имя прилагательное. Тянул я, и это его устраивало.

– А вас?

– Конечно, нет. Всё мечтал иметь красивый дом, сад, ухаживать за цветами, но... Нельзя откладывать мечту на потом!.. «Потом» не бывает, бывает только «сейчас». А я откладывал, откладывал... Надоело!

– И вы его убили?

Давид снова улыбнулся и, по-отечески, как ребёнку, объяснил:

– Вы не поняли: мне надоела такая жизнь, но сама жизнь мне не надоела!.. Убив его, разве я мог бы продолжать жить?... Я вообще не понимаю, как можно убить человека... Впрочем, вру: я мог бы убить Эйхмана, но и то – только с закрытыми глазами.

Из маминого дневника:

«... Знаешь, сыночка, по ночам я теперь беседую с Шекспиром. Да, да, с самим Вильямом!.. Мне не спится, наверное, ему тоже – поэтому он приходит ко мне, и мы беседуем... Как он велик уже только в одной этой фразе: «Весь мир – театр, все люди в нём актёры!..

Ведь действительно, каждый из нас живёт в собственном спектакле... Радостно жить в комедии, умной, тонкой, ироничной, где каждое твоё появление вызывает веселье и аплодисменты... Можно жить и по-иному, драматизируя любое событие, превращая жизнь свою и окружающих в сплошную трагедию. Всё зависит от нас: ведь каждый не только актёр, но и драматург, и режиссёр, и критик. Поэтому жизнь у одного – многоактный спектакль, с прологом и эпилогом, а у другого – одноактовка, а иногда и просто интермедия... У каждого своё амплуа: скучный резонёр, вечный комик, мрачный трагик, герой-любовник, доверчивый простак... Многих устраивает роль статистов, они не претендуют даже на «Кушанье подано!»... Есть и вечные суфлёры, которые подсказывают всем, когда и как себя вести, но сами всю жизнь сидят в будке...

С возрастом амплуа может измениться: только что была лирическая героиня и вот уже – комическая старуха... Можно наплевать на возраст, не менять амплуа, даже в семьдесят оставаться легкомысленной травести, но тогда меняется жанр спектакля: драма превращается в водевиль...

Конечно, каждому хочется сыграть главную роль, а зачастую, играем только эпизод. Но это не беда: эпизод может стать ярким событием и запомниться навсегда... Самое страшное – в конце пути вдруг понять, что была написана прекрасная пьеса, специально для тебя, а ты всю жизнь играла не в своём спектакле, поэтому сыграла плохо, неумело, бездарно, а переигрывать, увы, уже поздно!..

Видишь, мой мальчик, до каких грустных мыслей меня довело общение с Шекспиром?.. Всё! Больше не впускай его в дом – приму снотворное и пусть уходит. С гениями встречаться опасно: они заставляют думать!..»

Было шесть вечера. Они сидели в кабинете у Лукопереца: Борис, капитан Рябой и незнакомая Борису женщина, молодая, коротко остриженная... Каштановые волосы, чуть вздёрнутый нос. большие серые глаза освещали загорелое лицо... Симпатяга! – отметил Борис.

– Подведите предварительные итоги! – приказал полковник. – Это наша новая сотрудница, старший лейтенант Тина Валежко.

Она будет вашим помощником в этом расследовании. – сообщил он Борису.

– Здравствуйте! – Борис галантно привстал и как можно обаятельней улыбнулся своей будущей напарнице. – Очень рад буду с вами работать и...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.